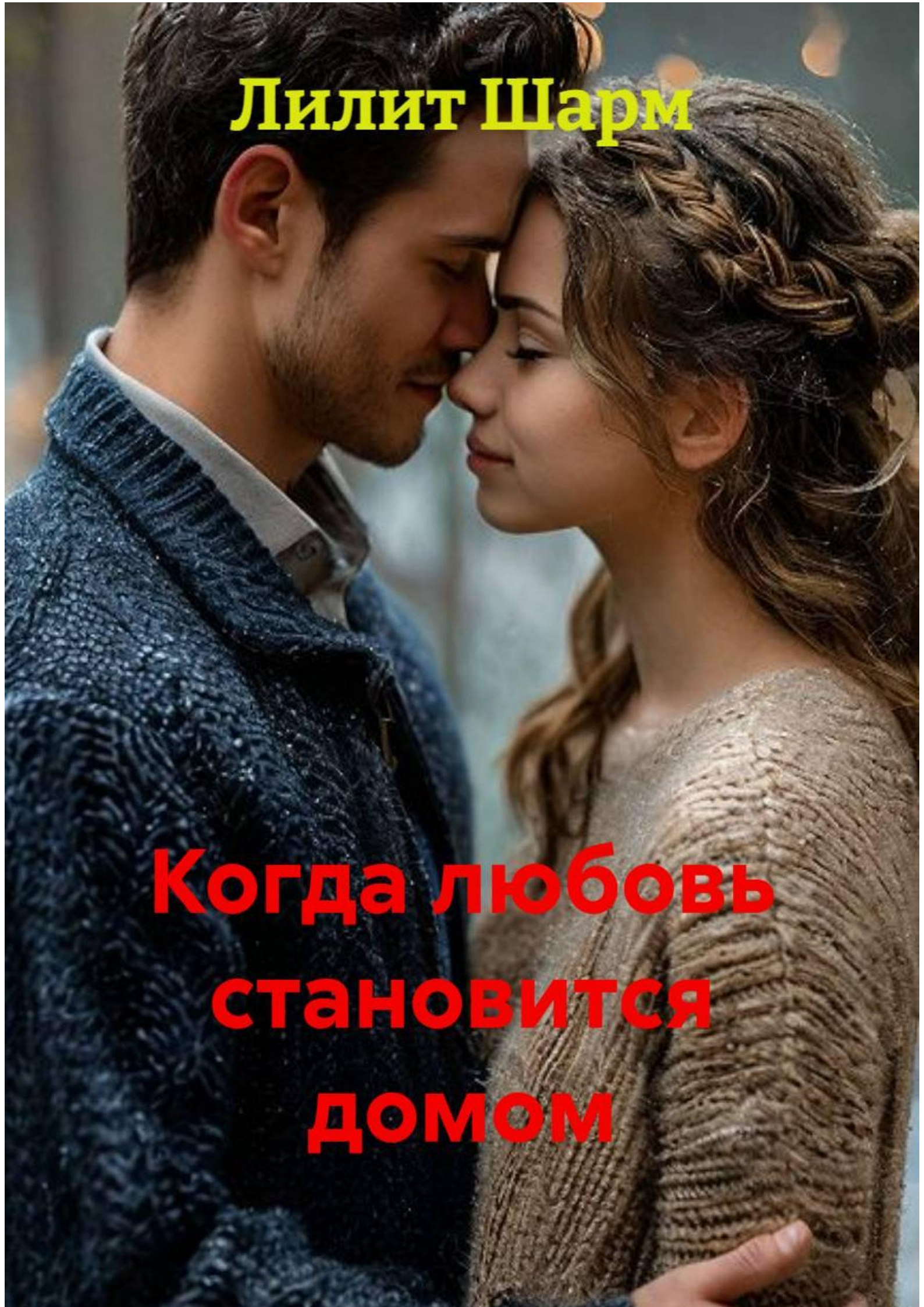

A romantic couple, a man and a woman, are shown in a close embrace, nearly kissing. The man is on the left, wearing a dark blue textured sweater over a light-colored collared shirt. The woman is on the right, wearing a beige textured sweater. They are both looking down at each other with soft expressions. The background is blurred, showing some warm, out-of-focus lights.

Лилит Шарм

**Когда любовь
становится
домом**

Одноклассники

Лилит Шарм

Когда любовь становится домом

«Автор»

2026

Шарм Л.

Когда любовь становится домом / Л. Шарм — «Автор»,
2026 — (Одноклассники)

История о том, как любовь становится семьёй. Рома и Света проходят через обычные, но такие важные моменты: неловкие попытки научиться чему-то новому, ссоры из-за усталости, тихие признания в темноте, ожидание чуда и самый главный день, который меняет всё. Это не сказка про идеальную пару: это честный рассказ о том, как двое учатся быть вместе, когда мир вокруг требует от них слишком многого. Здесь нет пафосных клятв — только искренние слова, неловкие поступки и огромная нежность, которая рождается там, где люди не боятся быть неидеальными. Если ты веришь, что семья — это не про «всегда легко», а про «я всё равно буду рядом», эта книга для тебя. Она напомнит, что дом — это не место, а люди, которые выбирают друг друга каждый день.

© Шарм Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог	6
Глава 1. «Две полоски»	7
Глава 2. «Первые страхи»	9
Глава 3. «Родители»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Лилит Шарм
Когда любовь становится домом

Глава

Пролог

Света стояла у окна, в руках — тест с двумя полосками. В комнате было тихо, только тикали часы на полке — настойчиво, будто торопили время. За окном город уже проснулся: по двору пробежал курьер в жёлтой куртке, у подъезда остановилась машина, хлопнула дверь, кто-то засмеялся. А здесь, внутри, время будто застыло.

Она смотрела на этот маленький пластиковый предмет, и в голове не было ни радости, ни паники — только странное ощущение, будто пол ушёл из-под ног, но падать не страшно, потому что кто-то держит тебя за руку. Только она пока не сказала ему.

Рома был в соседней комнате. Он готовил кофе и напевал что-то невпопад, какую-то старую песню, которую они когда-то слушали в такси, возвращаясь с первого настоящего свидания. Он напевал, потому что был счастлив просто оттого, что они дома. Что не нужно никуда бежать, никому ничего доказывать, можно просто быть рядом.

Света улыбнулась сквозь слёзы и спрятала тест в карман халата. Ткань была мягкой, домашней, и это вдруг стало самым важным: они строят дом. Пусть пока не до конца «свой» — где-то не хватает полки, где-то коробка стоит с прошлой недели, и дверца шкафа слегка скрипит. Но это их дом.

Сегодня она скажет ему. Сегодня они начнут новую главу.

Глава 1. «Две полоски»

Утро началось с запаха кофе — тёплого, горьковатого, с лёгкой нотой карамели, которую Рома добавлял, потому что знал: Света любит, когда горечь не слишком злая. Она вышла на кухню, зябко кутаясь в халат, и увидела его у плиты: он стоял, слегка наклонив голову, и снова напевал ту самую песню. На секунду ей захотелось просто постоять так, смотреть на него и не говорить ничего. Пусть мир ещё пять минут остаётся таким, каким был вчера.

— Ты опять поёшь, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал обычно. Как будто внутри не дрожало всё от одного слова, которое нужно было произнести.

Рома обернулся, и его лицо мгновенно стало тем самым, ради которого она когда-то готова была спорить до хрипоты: живым, открытым, без масок.

— А ты опять делаешь вид, что не слышишь, — улыбнулся он, пододвигая к ней чашку. — Но я знаю: ты улыбаешься. Даже если не хочешь.

Света села, обхватила чашку ладонями, чувствуя, как тепло медленно ползёт по пальцам. Ей казалось, что если она будет держать чашку достаточно крепко, слово не выскользнет раньше времени. Но оно уже стучало в висках, как пульс.

— Что-то не так? — вдруг спросил Рома. Он не подошёл, не стал нависать, просто замер, будто боялся спугнуть её одним лишним движением. — Ты с утра какая-то... не такая.

«Я беременна», — почти сорвалось с языка. Но вместо этого она сказала:

— Просто... голова немного кружится. Наверное, давление. Или просто утро слишком яркое.

Он нахмурился, но не стал спорить, не стал тут же искать градусник или звонить врачу. Вместо этого он просто сел напротив, положил локти на стол и посмотрел на неё так, как умел только он: не как на кого-то, кто должен быть сильным, а как на человека, которому можно быть слабым.

— Если хочешь, мы можем вообще никуда не идти сегодня, — тихо сказал он. — Можем сидеть тут, пить кофе, смотреть какой-нибудь старый фильм, где всё заранее хорошо. Или вообще ничего не смотреть. Просто сидеть.

Света кивнула, хотя внутри всё сжалось. Потому что именно эта его забота, эта готовность взять всё на себя, и пугала её больше всего. Она боялась, что он начнёт видеть в ней не Свету, а «будущую маму» — хрупкую, которую нужно оберегать, как стекло. А ей хотелось оставаться собой: живой, иногда злой, иногда смешной, иногда усталой — но настоящей.

Пока они допивали кофе, в голове у Светы вдруг всплыл обрывок из детства: кухня, поздний вечер, мама, которая сидит на табурете, опустив плечи, и говорит ровным, усталым голосом: «Не шуми, я устала». Света тогда стояла у двери, сжимала в руках игрушечного зайца и изо всех сил старалась не плакать, потому что плакать — это тоже шумно. Ей было лет шесть, и она уже знала: хорошее поведение — это когда тебя почти не заметно.

И теперь, глядя на Рому, который так искренне хотел всё взять на себя, она вдруг испугалась, что повторит этот тихий, усталый сценарий. Что однажды скажет своему ребёнку: «Не мешай, я устала», и в этом не будет злости, а будет только изнеможение. Что она станет той самой мамой, которая делает всё правильно, но ребёнок всё равно чувствует: его любят, только когда он не мешает.

Они допили кофе в тишине, и эта тишина уже не была уютной. Она стала натянутой, звенящей, как струна, которую вот-вот сорвёт.

Потом Света встала, чтобы убрать чашку, и потянулась к верхней полке — там стояла банка с её любимым чаем, который Рома всегда забывал ставить на место. Она встала на цыпочки, вытянулась, и вдруг почувствовала, как Рома резко отодвинул стул и рванулся к ней.

— Стой! — почти выкрикнул он. — Не тянись! Я сам достану.

В этом «стой» было столько тревоги, столько желания защитить, что Света вдруг взорвалась. Не потому что ей было обидно, что он не дал ей достать банку. А потому что в этом жесте она увидела своё будущее: бесконечные «стой», «не делай», «я сам». И услышала мамин голос: «Сиди тихо. Я всё сделаю».

— Я не хрустальная! — резко сказала она, отступая на шаг, будто хотела уйти от этой заботы, как от чего-то обжигающего. — Я просто хотела взять чай.

Рома замер. Его лицо на секунду стало таким, будто она ударила его, и от этого ей стало ещё хуже. Он опустил руку, которую уже протянул к полке, и посмотрел на неё с растерянностью, которая была страшнее любого гнева.

— Прости, — тихо сказал он. — Я... я просто боюсь.

— Чего? — почти прошептала Света, потому что злость уже уходила, оставляя после себя только пустоту.

— Боюсь, что всё испорчу, — признался он, и голос его вдруг стал совсем тихим, почти детским. — Боюсь, что сделаю что-то не так, и ты... ты просто устанешь от меня.

И вот тогда слово наконец сорвалось. Не как крик, не как громкое признание, а как выдох, как освобождение.

— Я беременна, — сказала Света. И замерла, ожидая, что сейчас рухнет что-то важное. Что он испугается, что начнёт задавать вопросы, что скажет: «Мы не готовы».

Но Рома не сказал ничего. Он просто стоял и смотрел на неё, и в его глазах было столько эмоций, что их невозможно было разобрать: там была и радость, и страх, и неверие, и какая-то огромная, почти отчаянная нежность.

А потом он шагнул к ней, притянул к себе, крепко, но осторожно, будто действительно боялся сломать. И прошептал прямо в волосы:

— Прости. Я просто боюсь всё испортить. Но я буду учиться. Клянусь, я буду учиться быть таким, каким ты нуждаешься.

Света уткнулась ему в плечо, чувствуя, как его сердце колотится где-то у её виска, и поняла: напряжение между ними не исчезло. Оно просто стало другим. Теперь они боялись не друг друга, а того, что могут не справиться. Что не смогут быть достаточно хорошими для этого нового, крошечного «мы».

Она закрыла глаза, и перед ними снова мелькнул тот самый образ: она сама, маленькая, сжимающая зайца, старающаяся быть незаметной. И вдруг поняла: она не хочет, чтобы её ребёнок когда-нибудь чувствовал, что его любовь — это шум, который нужно приглушить.

— Мы будем учиться вместе, — тихо сказала она, обнимая его в ответ. — И не надо меня беречь, как хрустальную. Береги меня, как живую. Как ту, которая иногда злится, иногда плачет, иногда просто хочет, чтобы её обняли и сказали: «Я тут».

Рома кивнул, не отпуская её, и улыбнулся — так, будто только что услышал самое важное слово в своей жизни.

— Я тут, — прошептал он. — И я никуда не денусь.

За окном город продолжал жить своей обычной жизнью: машины сигналили, дети кричали, ветер гнал по тротуару бумажный стаканчик. А в маленькой квартире, где ещё не всё стояло на своих местах, двое людей стояли, обнявшись, и учились дышать в новом ритме. Ритме, в котором теперь было место не только им двоим, но и кому-то третьему.

И впервые за это утро Света почувствовала: всё будет хорошо. Не потому что впереди не будет трудностей. А потому что она наконец-то поняла, какой мамой не хочет быть. И это уже было половиной пути к тому, какой она будет.

Глава 2. «Первые страхи»

Поликлиника пахла антисептиком, кофе из автомата и чем-то ещё — какой-то особенной, тревожной тишиной, которая бывает только в местах, где люди ждут новостей. Света сидела на жёстком пластиковом стуле, смотрела на расписание над окошком регистратуры и пыталась дышать ровно. Но цифры плясали перед глазами, и каждый звук — скрежет стула, чей-то тихий кашель, звонок телефона — отдавался в висках.

Рома сидел рядом, чуть наклонившись вперёд, будто хотел быть ближе к этой реальности, схватить её за край и удержать. В его пальцах был зажат листок с перечнем анализов. Он читал его так, словно это была инструкция к спасению: «ХГЧ, общий анализ мочи, коагулограмма...» Каждое слово он мысленно повторял, чтобы не забыть, чтобы быть полезным, чтобы хоть как-то справиться с тем, что он ничего не может контролировать.

— Ты как? — тихо спросил он, не глядя на неё, потому что боялся увидеть в её глазах ту самую пустоту, которая появляется, когда слов не хватает.

Света пожала плечами. Это движение вышло неловким, каким-то слишком маленьким для той бури, что кружилась внутри.

— Нормально, — сказала она, и сама услышала, как фальшиво это прозвучало. — Просто... всё это звучит как приговор. Как будто теперь у меня не будет права на «хочу», а будет только «надо».

Рома наконец повернулся к ней. В его взгляде не было ни утешительных улыбок, ни попыток всё обесценить. Только честность.

— Я понимаю, — тихо сказал он. — Это как будто тебя берут и вписывают в график: «приём в 10:15, анализ до 11:00, не волноваться». А ты — живая. И ты не влезаешь в эти квадратики.

Света посмотрела на него и вдруг почувствовала, как к горлу подступает комок. Не от страха, а от того, что кто-то наконец увидел её страх и не сказал: «Да брось, всё будет хорошо». Он просто признал: да, страшно. И этого было достаточно, чтобы она не рассыпалась прямо здесь, посреди коридора.

— Меня пугает не сам ребёнок, — прошептала она, глядя куда-то в сторону, на облупившуюся краску на стене. — Меня пугает, что я стану... правильной. Такой, знаешь, идеальной мамой из брошюры: спокойная, собранная, у которой всё по плану. И однажды мой ребёнок посмотрит на меня и подумает: «А она вообще живая?»

Рома не стал спорить. Он просто взял её руку — не крепко, не властно, а так, будто боялся, что она разожмёт пальцы и исчезнет.

— Ты никогда не будешь такой, — сказал он. — Ты будешь Светой. Той самой, которая смеётся над моими шутками, даже когда они совсем не смешные. Той, которая злится, когда я ставлю кружку не туда, и не боится сказать мне об этом. Просто теперь у тебя будет ещё одна важная роль. И она не заменит тебя. Она просто добавит к тебе что-то новое.

Света сжала его пальцы в ответ, и впервые за утро ей показалось, что земля под ногами снова стала твёрдой.

— Спасибо, — выдохнула она. — За то, что не говоришь: «Не переживай».

— Потому что переживать — это нормально, — кивнул он. — Я тоже переживаю. Просто я прячу это за списком анализов.

Она почти улыбнулась. Почти — потому что тревога всё ещё сидела где-то под рёбрами, тяжёлая и холодная.

Когда их наконец позвали в кабинет, Света встала, и Рома тут же оказался рядом, готовый подхватить, если она вдруг пошатнётся. В кабинете пахло спиртом и спокойствием, которое казалось почти неестественным. Врач — женщина лет пятидесяти с добрыми, но очень

уставшими глазами — говорила спокойно, размеренно, раскладывая всё по полочкам: сроки, анализы, график посещений. Каждое слово звучало как новая ступенька в неизвестность.

— Сейчас главное — спокойствие и режим, — сказала врач, заканчивая осмотр. — Никаких стрессов, больше отдыха, сбалансированное питание.

«Никаких стрессов», — эхом отозвалось в голове у Светы. Как будто можно просто нажать кнопку и выключить тревогу, которая жила в ней последние дни. Она кивнула, стараясь выглядеть собранной, но внутри всё сжималось: ей казалось, что с этого момента её жизнь перестает принадлежать ей.

Пока врач что-то писала в карточке, Рома тихо спросил:

— А если... если она будет переживать? Ну, из-за работы, из-за чего-то? Это сильно влияет?

Врач посмотрела на него внимательно, чуть мягче, чем до этого.

— Влияет, — честно сказала она. — Но не так, как думают многие. Ребёнок чувствует не панику, а любовь. Если мама знает, что рядом есть кто-то, кто её поддержит, это уже половина спокойствия.

Рома кивнул, будто записал это в свою внутреннюю инструкцию: «Быть рядом. Не решать всё за неё. Просто быть».

Когда они вышли в коридор, дневной свет показался неожиданно ярким, почти агрессивным. Мир за пределами кабинета жил своей обычной жизнью: кто-то торопился, кто-то болтал по телефону, кто-то смеялся. И только для них двоих всё стало другим.

Они шли по улице, не торопясь, будто боялись, что если пойдут быстрее, то не успеют переварить всё услышанное. Ветер шевелил листья на деревьях, где-то рядом кричали дети, и этот обычный городской шум вдруг казался Свете чем-то очень важным. Жизнь продолжалась. И она была не только в сухих строчках анализов.

В парке было тише. Они нашли свободную скамейку в тени старого клёна, сели, и на мгновение мир будто замер. Рома не пытался заполнить тишину пустыми разговорами. Он просто сидел рядом, давая ей время.

— Мне кажется, я боюсь не того, что не справлюсь, — вдруг сказала Света, глядя на дорожку, по которой бежала маленькая девочка с воздушным шариком. — Я боюсь, что стану такой, какой меня ждут. Правильной, удобной, «хорошей мамой». А я не хочу быть хорошей. Я хочу быть настоящей.

Рома повернул голову и посмотрел на неё так, что у неё вдруг стало теплее внутри, несмотря на прохладный ветер.

— Ты будешь настоящей, — тихо сказал он. — И если ты будешь злиться, если будешь уставать, если будешь плакать от того, что всё слишком сложно — я не буду говорить, что ты плохая мама. Я просто скажу: «Я тут. Давай я помогу».

Света закрыла глаза и глубоко вдохнула. Запах мокрой травы, старого дерева, его парфюма — всё это вдруг стало домом. Не идеальным, не расписанным по пунктам, а живым и настоящим.

Она положила голову ему на плечо, и он осторожно, будто боясь сломать, обнял её. Не крепко, а так, чтобы она чувствовала: он рядом, но не давит. И в этот момент, среди городского шума и собственных страхов, она впервые за день почувствовала: они справятся. Не потому что знают, как всё будет, а потому что будут узнавать это вместе.

— Знаешь, — тихо сказала она, не поднимая головы. — Я не хочу, чтобы наш ребёнок когда-нибудь чувствовал, что его любовь — это шум, который нужно приглушить.

Рома чуть крепче прижал её к себе.

— И он не будет, — пообещал он. — Потому что мы будем говорить ему: «Ты — это не помеха. Ты — это причина, почему мы стараемся».

Они посидели так ещё немного, пока солнце не начало клониться к закату, окрашивая парк в тёплые, золотистые тона. Когда они наконец встали, чтобы идти домой, в Свете уже не было той острой паники, которая сжимала её утром. Осталась тревога — но теперь она была не врагом, а напоминанием: им предстоит путь. И они пойдут по нему вдвоём.

Дорога до дома была недлинной, но Свету вдруг накрыла усталость — такая, что даже шаги давались тяжело. Рома будто почувствовал это и незаметно подстроился под её темп, хотя обычно шагал быстро, будто пытался обогнать собственные мысли.

А потом случилось то, что заставило её сердце дрогнуть совсем по-другому.

Дома, едва переступив порог, Света хотела привычно схватиться за дела: разобрать почту, проверить список покупок, поставить стирку — будто если она сделает хоть что-то привычное, мир снова встанет на место. Но не успела она дойти до шкафа с полотенцами, как увидела: корзина для белья пуста. А на сушилке уже висели аккуратно развешанные вещи — те самые, что она вчера не успела догладить.

На кухне на столе стояла тарелка с нарезанным яблоком и кусочком сыра — её любимая простая закуска, которую она обычно забывала себе приготовить. И ещё: на полке, прямо на уровне её глаз, стояла банка с чаем — тем самым, который Рома вечно ставил куда-то наверх, и ей приходилось тянуться. Теперь он стоял там, где ей удобно.

Света замерла посреди комнаты, оглядываясь, будто видела квартиру впервые. И вдруг поняла: Рома не пытался взять всё на себя так, чтобы вычеркнуть её из этой жизни. Он просто тихо, без громких слов, убрал с её пути несколько тяжёлых камней. Чтобы ей было чуть легче дышать.

Он стоял у окна, будто делал вид, что смотрит на улицу, но на самом деле ждал её реакции.

— Ты... — начала Света и осеклась, потому что голос вдруг стал хриплым. — Ты всё это сделал?

Рома слегка пожал плечами, будто это было ничего не значащее пустяковое дело.

— Да так, — пробормотал он, чуть смутившись. — Пока тебя не было, кое-что разложил. И чай поставил туда, где тебе удобнее. Не хотел, чтобы ты тянулась. Прости, если... если это выглядит так, будто я опять пытаюсь всё решать.

Света подошла к нему и вдруг обняла — крепко, искренне, так, что он на секунду замер, а потом обнял в ответ.

— Не извиняйся, — тихо сказала она ему в плечо. — Это не про то, что ты забираешь у меня мою жизнь. Это про то, что ты видишь, как мне тяжело, и просто помогаешь. Без «я сам, не трогай». Без «ты сейчас не можешь». Ты помогаешь так, чтобы я оставалась собой.

Он выдохнул, будто только сейчас позволил себе расслабиться.

— Я учусь, — признался он. — Честно. Я не знаю, как правильно. Но я хочу делать так, чтобы тебе было легче, а не чтобы ты чувствовала себя... лишней в собственной жизни.

Света улыбнулась, уткнувшись ему в грудь. В груди разливалось тепло — не то, что приходит от чашки горячего чая, а то, что рождается, когда понимаешь: рядом человек, который не ждёт от тебя идеальности.

— Знаешь, — сказала она чуть позже, когда они сели на диван, и Рома протянул ей кружку тёплого чая, — я вдруг поняла одну вещь. Я боялась, что стану «мамой» и перестану быть Светой. Но, кажется, я могу быть и тем, и другим. Если рядом будет кто-то, кто помнит, какая я. Кто не даёт мне забыть.

Рома улыбнулся, сел рядом, не слишком близко, чтобы не давить, но достаточно, чтобы почувствовать тепло друг друга.

— Я буду помнить, — пообещал он. — Каждый день. Даже когда будет тяжело.

За окном город продолжал жить своей жизнью, зажигались фонари, где-то сигналили машины, кто-то громко смеялся на улице. А в их маленькой квартире, где ещё не всё стояло

на своих местах, становилось тихо по-новому: не от напряжения, а от того, что они наконец-то дышали в одном ритме.

И впервые за этот долгий, выматывающий день Света подумала: пусть впереди будет страшно. Пусть будет непонятно. Но она не одна. И этого уже достаточно, чтобы сделать следующий шаг.

Глава 3. «Родители»

День, который начинался как обычный, обещал стать испытанием. Сначала — к родителям Светы. Потом — к родителям Ромы. Два дома, два набора ожиданий, и в середине всего этого — они, Рома и Света, которые ещё сами не до конца понимают, как им быть родителями, но точно знают: они будут делать это по своему.

У родителей Светы пахло ванилью и тёплым хлебом — запахом, который с детства означал: «ты дома, тебя любят». Мама Светы, Лариса Михайловна, сразу схватила дочь за руки, будто проверяла, не похудела ли она, не бледная ли, не слишком ли усталая.

— Ты точно готова? — спросила она, не отпуская Светиных пальцев. — А кто будет помогать? Я, конечно, буду, но я не вечная. А если ночью? А если ты устанешь?

Света улыбнулась, стараясь выглядеть уверенной, хотя внутри всё сжималось от этого потока вопросов.

— Мам, мы справимся, — сказала она, но голос прозвучал чуть тише, чем хотелось бы. — Рома рядом. Мы всё продумали.

Лариса Михайловна посмотрела на Рому, как будто только сейчас вспомнила, что он тоже здесь.

— Ну, Рома, ты то понимаешь, что теперь ответственность не только за себя? — в голосе не было упрёка, только тревога, старая, материнская, которая не спрашивает, а просто живёт в каждом слове.

Рома кивнул, сжал губы, будто пытался удержать внутри то, что хотелось выкрикнуть: «Я знаю. Я не идиот». Но вместо этого он спокойно сказал:

— Понимаю. И я буду рядом. Каждый день. Каждую ночь.

Отец Светы, спокойный, немногословный Игорь Петрович, молча поставил перед ними тарелки, будто еда могла сгладить любые слова.

— Главное, чтобы вы друг на друга не срывались, — тихо сказал он, глядя куда то в сторону, будто ему было неловко говорить о чувствах. — Ребёнок всё чувствует.

Света сжала под столом руку Ромы. Это был не жест поддержки, а скорее попытка удержаться на ногах: казалось, что от всех этих «главных» и «обязательных» земля уходит из под ног.

А потом они поехали к родителям Ромы. И если у Светиных родителей тревога была тёплой, обволакивающей, то у родителей Ромы она была холодной, строгой. Отец Ромы, Виктор Сергеевич, встретил их у двери, кивнул, не обнимая, и сразу перешёл к делу:

— Значит, будет ребёнок. Главное, чтобы ты не забывал: теперь ты за всё отвечаешь. Работа, деньги, безопасность — это на тебе. Не время для глупостей.

Рома сжал кулаки в карманах, но сдержался. Ему хотелось сказать: «Я не глупый. Я люблю её. Я хочу, чтобы у нас всё было хорошо». Но он только кивнул:

— Я понимаю.

Мать Ромы, тихая, вечно будто извиняющаяся за саму себя, только кивала и подкладывала им на тарелки ещё еды, будто если они будут сыты, то смогут выдержать всё остальное.

— Вы только не торопитесь, — тихо сказала она. — Не надо сразу всё менять. Пусть будет... спокойно.

«Спокойно» звучало как приговор. Как будто жизнь с ребёнком — это не про смех, не про ссоры, не про то, как Света кричит, когда Рома ставит кружку не туда, а про бесконечное, выматывающее «всё под контролем».

Когда они наконец вышли на улицу, вечер уже накрыл город темнотой. Рома шёл быстро, почти бежал, будто хотел убежать от слов, которые звенели в ушах: «ты отвечаешь», «ты должен», «не время для глупостей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.